

5-6614.

№ 2228.

Н. М.

Елец Новгород
Котляевский.

5-6614

№ 3228.

ЕГОРЪ ПЕТРОВИЧЪ КОВАЛЕВСКІЙ

Биографическій очеркъ.

Въ жизни русскаго общества, сѣмпровизированнаго на европейскій ладъ, и все еще импровизируемаго, — въ этомъ вихрѣ быстро несущихся порядковъ, направленій, требованій и учреждений, — дѣятели являются неожиданно, часто всего менѣе готовые, рѣдко годные, для предстоящей дѣятельности. Назначаемые съ-дѣтства къ прохожденію извѣстныхъ поприщъ, они обыкновенно ихъ-то и не проходятъ; вытвердивъ извѣстныя роли, они этихъ-то именно ролей и не играютъ, а являются совершенно въ другихъ, и принуждены ихъ импровизировать. При талантѣ это удастся, безъ таланта нѣтъ, если преданность или смѣлость всего не превозмогутъ; но во всякомъ случаѣ свѣжій умъ освѣжить рутину, и поможетъ иному — роль, которую онъ не знаетъ, сыграть гораздо лучше тѣхъ, кто вытвердилъ ее въ совершенствѣ... Какъ въ небогатой персоналомъ труппѣ, ему придется сыграть и не одну, а можетъ быть, нѣсколько ролей въ той-же пьесѣ... Тамъ, гдѣ умственный спросъ превышаетъ предложеніе, иначе и быть не можетъ.

Ег. П. Ковалевскій принадлежалъ къ разряду такихъ умовъ — быстрыхъ и воспримчивыхъ, растящихъ плоды на всякой почвѣ. Студентъ-словесникъ въ Харьковѣ, горный инженеръ на золотыхъ приискахъ и заводахъ Сибири, дипломатическій агентъ въ Китаѣ, Черногоріи, Нубіи и Египтѣ; директоръ азіатскаго департамента въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и независимо отъ всего этого, а частію и благодаря этому, — даровитый лите-

1957

1957 г.

раторъ - путешественникъ и историческій писатель; наконецъ, главный дѣятель въ Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ; вотъ тѣ роли и поприща, гдѣ суждено было Е. П. Ковалевскому оставить по себѣ слѣды, очень характерныя и симпатическія, оригинальныя и живыя, какимъ былъ онъ самъ. Много людей всякихъ развитій и народностей, подъ всякими градусами широты видѣли этого утлаго, худощаваго и скучающаго человѣка, какъ бы нѣхотя и съ трудомъ ворочавшаго языкомъ, съ виду ко всему равнодушнаго и слабаго, и который, въ минуты, когда предстояло совершить то, что онъ себѣ поставилъ цѣлью, внезапно преображался въ энергическаго дѣятеля, съ огненною рѣчью, съ несокрушимою волею и силою, даже физическою... Но начинался опять обычный ходъ жизни, скучный и безъ содержанія, и опять являлся немощный и лѣнивый человѣкъ, лѣниво отдѣлывающійся шутками и полусловами отъ пустыхъ разглагольствованій и споровъ. Только среда совершенно близкая ему по душѣ и по направленію всегда имѣла въ своемъ распоряженіи то особое добродушіе и тотъ полузадумчивый, но оттого еще болѣе разительный юморъ, которые отличали Ковалевскаго. Уроженецъ юга Россіи, онъ до конца сохранилъ на себѣ отличительныя черты своей родины, милые холмы боторой, съ ея дубовыми рощами, хуторками въ степи и стаями бѣлыхъ гусей на прудахъ, не удалось затмить въ его сердцѣ ни величавымъ красотамъ Бѣлаго Нила, ни стремнинамъ Алтая и Черной Горы... На обратномъ пути изъ Нубіи онъ приводитъ въ недоумѣніе своихъ земляковъ, увѣряя ихъ, что Малоросія гораздо лучше всего, о чемъ они его разспрашивали. Каждое случайно услышанное мѣткое выраженіе на родномъ нарѣчій приводило его въ восторгъ неописанный: «ахъ, какъ это хорошо! говорилъ онъ, воспламеняясь, — ну можетъ ли что-нибудь сравниться съ этимъ!»

Егоръ Петровичъ родился въ 1811 году, въ тридцати верстахъ отъ Харькова, въ деревнѣ Ярошовкѣ, родовомъ имѣніи своего отца, почтеннаго екатерининскаго бригадира, уважаемаго, за стойкость правилъ и строгую жизнь, многочисленными родными и сосѣдями, которые всегда находили въ его уютномъ домѣ радушный пріемъ и готовый разумный совѣтъ. Младшій изъ пяти сыновей, и притомъ съ-дѣтства болѣзненнаго сложения, авторъ нашъ, по всѣмъ этимъ правамъ, былъ баловнемъ дома — сестеръ, братьевъ, отца и особенно матери, женщины неистощимой доброты и любви, на которую онъ и походилъ болѣе другихъ въ семействѣ. Патріархальность тихаго и небогатаго, впрочемъ совершенно достаточнаго, помѣщичьяго быта; приволье пе-

лей и садовъ; рассказы суевѣрной дворни, и особенно няни, о разныхъ таинственныхъ чудесахъ, происходящихъ въ темныя южныя ночи, иногда даже среди бѣлаго дня, въ старыхъ тѣнистыхъ аллеяхъ; жалобные крики совы на семейномъ кладбищѣ подъ серебрянными чашами тополей: вотъ обстановка дѣтства, имѣвшая неотразимое вліяніе на молодую душу Ковалевскаго. Не безъ серьезной прони, ему столько свойственной, рассказывалъ онъ послѣ легенду о себѣ, созданную конечно воображеніемъ все той-же няни: какъ она пошла съ нимъ, ребенкомъ, въ садъ, какъ посадила на траву подъ грушу, а сама полѣзла «трусить дули»; какъ она вдругъ услышала, что Лёленька заплакалъ,—смотреть, а рядомъ съ нимъ сидитъ другой Лёленька и тянется къ нему; какъ она спустилась скорѣе на землю и схватила ребенка—котораго, ужъ и сама не знаетъ, да ну бѣжать.... и т. д. и т. д.

— Я увѣренъ, что она взяла именно не меня, а того другого; оттого-то я и не похожъ ни на что,—прибавлялъ онъ съ уморительной серьезностью. Но и не шутя, расположеніе къ таинственному и чудесному сохранило надъ нимъ власть до старости. Предсказатели и гадалыщицы находили въ немъ своего посѣтителя. Правда, онъ тутъ-же съ несравненнымъ комизмомъ передавалъ ихъ пророчества и свои собственные ощущенія, когда ему приходилось продѣлывать разныя испытанія, въ родѣ нюханья съ пророками табаку, питья чаю и т. п. Восторженная религіозность дѣтства, — плодъ домашней обстановки, въ немъ продержалась не долго. Въ голубомъ воротникѣ студента онъ еще молился горячо: близость и частыя посѣщенія родного крова, тревоги и неизвѣстность экзаменовъ поддерживали въ немъ эту потребность. За нею показалась другая—потребность выливать душу въ разбѣренныхъ звукахъ и образахъ, и вотъ, уже на студентской скамейкѣ, задумана и начата цѣлая трагедія, оконченная впоследствии и напечатанная подъ названіемъ «Марѳа, посадница Новгородская, или Славянскія жены». Единственные экземпляры этой библиографической рѣдкости сохранились въ семействѣ автора. Небольшая книжка, писанная бѣлыми стихами, съ посвященіемъ трагедіи, прозою, памяти Озерова, интересна только какъ первый опытъ будущаго писателя и иного значенія не имѣетъ.

Окончанію курса въ университетѣ предназначено было дать новый оборотъ жизни молодого человѣка. Отправленный въ Петербургъ, къ своему брату, который былъ двадцатью годами его старше и имѣлъ самостоятельное служебное положеніе, онъ скоро послѣдовалъ за нимъ въ далекую Сибирь — на Алтай, куда по-

слѣдній былъ назначенъ главнымъ горнымъ начальникомъ. Евграфу Петровичу Ковалевскому, впоследствии министру народнаго просвѣщенія, а тогда дѣльному горному инженеру и умному администратору, не оставалось ничего другого, какъ пустить своего меньшого брата по пути, на которомъ онъ могъ руководить его. Скоро молодой студентъ, облеченный въ форменную одежду горнаго человѣка, уже работалъ на золотыхъ пріискахъ, и плодомъ новыхъ ощущеній въ дѣвственныхъ тайгахъ полудикаго края былъ очеркъ жизни золотопромышленниковъ и рабочихъ, напечатанный въ «Библиотекѣ для Чтенія» и замѣченный въ свое время по мѣткости описаній и наблюдательности. Тощая брошюрка стихотвореній, «Сибирь — Думы», написанная въ тѣхъ же пустыняхъ, подъ шумъ Иртыша и Оби, осталась, вмѣстѣ съ «Марею посадницею», свидѣтельствомъ того, что ни драма, ни стихи не были удѣломъ Ковалевскаго. Послѣднихъ онъ и не пытался писать болѣе; но къ драмѣ еще разъ вернулся, уже въ развитіи своего литературнаго таланта, — не съ болѣшимъ однакожь успѣхомъ. Это была пьеса въ прозѣ, изображавшая судьбу свѣтскаго мота, обѣднѣваго и всѣми покинутаго, но у котораго достало воли—въ глуши золотыхъ пріисковъ, собственными усиліями и трудомъ, поправиться, разбогатѣть и явиться мстителемъ въ прежнее общество за свое временное уничтоженіе. Драма предназначалась для сцены, даже разучивалась, и главную роль, съ горячими монологами, долженъ былъ играть Каратыгинъ,—обстоятельство особенно пугавшее автора.

— Какъ я только подумаю, говорилъ онъ, что Каратыгинъ примется кричать это на весь театръ, — такъ-бы вогъ и взялъ назадъ пьесу.

И точно, онъ ее взялъ, а рукопись уничтожилъ; такимъ образомъ она не появилась и въ печати.

Случайно попавъ на дорогу горнаго инженера, Ковалевскій былъ выведенъ ею также неожиданно и па другое поприще, поприще дипломатическое, гдѣ врожденные таланты и энергія выдвинули его скоро на видное мѣсто. Какъ горный инженеръ, онъ былъ командированъ въ 1839 году въ Черногорію, для развѣдки золота и обученія туземцевъ промывкѣ его. Но при условіяхъ, какія тогда сложились, не одна эта цѣль была достигнута: молодой, горячій, симпатическій русскій, поэтъ въ душѣ, и такой же молодой и горячій, поэтъ уже на дѣлѣ, владыка Черногоріи, Петръ Негожъ, воспитанный въ Россіи, близкій ея нравамъ и интересамъ, — не замедлили сойтись тѣсно и дружески—не какъ представитель могущественнаго народа и государь маленькаго племени, но какъ сходитса только молодость.

Они дѣлили досуги и труды, читали, декламировали Пушкина и вспоминали милую имъ обоимъ далекую страну. Патріархальные сенаторы и весь патріархальный людъ Цетиньи и горь смотрѣли на обходительнаго и всему сочувствовавшаго, чему они сами сочувствовали, русскаго, какъ на своего... Какой-то первобытный миръ и тишина охватили душу молодого путешественника: «мнѣ кажется, будто я опять въ Малороссіи—въ Ярошовкѣ», писалъ онъ роднымъ.

И вдругъ въ невозмутимыхъ горахъ разразилась военная буря: исконные враги черногорцевъ, австрійцы, вторглись въ эти священные горы и подняли на ноги всѣхъ, отъ старика до отрока. Ковалевскій, какъ не чужой, былъ принужденъ (и, конечно, не жалѣлъ о томъ) взять также ружье и карабкаться вмѣстѣ съ горцами по стремнинамъ, преслѣдуя скоро разбѣжавшаго врага. Тутъ начинаются трудности положенія нашего героя: упоенные побѣдою смѣльчаки, не сознавая того, что они сильны только подъ защитою этихъ природныхъ стремнинъ, и непобѣдимы своимъ умѣньемъ карабкаться по нимъ, вздумали перейти въ наступленіе и перенести войну въ Австрію.

— Пусть русскій капитанъ насъ ведетъ туда! кричали они.

И не было никакой возможности вразумить ихъ ни въ томъ, что идти въ Австрію безумно, ни въ томъ, что русскому капитану вести ихъ туда просто преступно.

— Русскій царь для того и послалъ тебя, чтобъ ты за насъ заступился! шумѣла толпа, — веди на австрійковъ!

Дѣло доходило даже до угрозъ... Не легко, и то подъ условіемъ перевѣшать плѣнныхъ австрійцевъ (между ними были и офицеры), склонились черногорцы на миръ, котораго они не хотѣли заключать безъ личнаго ручательства Ковалевскаго.

— Пускай подпишетъ капитанъ! говорили они: его австрійки не посмѣютъ обмануть, а насъ обмануть.

Капитану горныхъ инженеровъ приходилось стать главнокомандующимъ, трактующимъ о мирѣ...

Австрійскія, а за ними и всѣ европейскія газеты, конечно, не преминули раздуть эпизодъ этотъ чуть не во вмѣшательство русскаго капитана въ международныя дѣла дружественной державы, и онъ едва не поплатился за него своими эполетами... Времена были не особенно ласковыя, и только искреннее и совершенно правдоподобное изложеніе всего дѣла, какъ оно дѣйствительно было, а не такъ какъ хотѣли увѣрить, что оно было, — въ особой запискѣ, поданной вѣнскому нашему послу самимъ виновникомъ, смѣнило гнѣвъ на милость и расположило въ его пользу государя, который даже пожелалъ видѣть Кова-

левскаго лично по возвращеніи его въ Петербургъ. Вывезенный имъ маленький черногорецъ, сынъ одного изъ сенаторовъ, для воспитанія въ Россіи, былъ допущенъ также въ Аничкинъ дворецъ, и оба были приняты милостиво.

— Ты въ какую службу хотѣлъ бы? спросилъ императоръ черногорца.

— Въ такую, какъ капитанъ! отвѣчалъ тотъ рѣшительно.

— А въ такую, какъ я, не хочешь? продолжалъ Николай, указавъ на свой гвардейскій мундиръ.

— Не хочу — у капитана лучше.

Послѣ этого онъ былъ опредѣленъ въ Горный Институтъ, на казенный счетъ, гдѣ однако отличился болѣе на разводахъ, чѣмъ въ классахъ. Настоящее свое призваніе нашолъ онъ на Кавказѣ.

Поѣздка въ Черногорію рѣшила однажды навсегда дальнѣйшее направленіе жизни Ковалевскаго: въ литературѣ первую книгу его, замѣченною критикою и публикою, были «Четыре мѣсяца въ Черногоріи»; на поприщѣ служебномъ — дорога дипломатическая открыла ему двери, и съ этихъ поръ не было той щекотливой, трудной или отдаленной командировки, для исполненія которой не прибѣгали бы къ нашему горному инженеру. Затѣять-ли экспедицію въ Бухару, или зимній походъ въ Хиву, — въ снѣжныхъ степяхъ уже качается на верблюдѣ этотъ неутомимый путешественникъ; задумаютъ ли пробиться дипломатическими факторіями и консульствами, въ недоступныя для нихъ земли Китая; пошлютъ ли по Нилу ученую комиссію для менѣе ученаго сближенія съ Мегметомъ-Али; надо ли ѣхать въ Пекинъ, или въ земли славянъ въ разгаръ европейской коалиціи противъ Россіи; наконецъ, быть въ осажденномъ Севастополѣ: вездѣ — въ Африкѣ и Китаѣ, въ Крыму и Хивѣ, въ Черногоріи, Босніи, Сербіи, Далмаціи, — вездѣ и всюду знакомая намъ тощая фигура усталого человѣка подвизается самоотверженно и неутомимо...

Обстоятельное изложеніе этой стороны дѣятельности автора не входитъ въ планъ бѣглаго очерка его жизни. Мѣсто ея, и мѣсто весьма почетное, — въ исторіи нашихъ международныхъ отношеній съ племенами далекаго Востока и славянами. Здѣсь довольно указать на то личное вліяніе, какое вносилъ вездѣ Ковалевскій, обязанный всегда счастливыми результатами только своему богатому уму и знанію людей. Съ народами упрямыми и лживыми, съ ихъ властями въ шарикахъ на шапкахъ, ему помогала его неустрашимая, почти отчаянная рѣшимость. Заключеніемъ крайне выгодныхъ торговыхъ условій съ Китаемъ

Россія обязана именно этой чертѣ своего уполномоченнаго. Помышляя вообще немного о всякой опасности, онъ особенно мало помышлялъ объ опасности отъ начальства, и потому часто прибѣгалъ въ такихъ случаяхъ къ мѣрамъ, менѣе всего указаннымъ инструкціею. Истошивъ мирные способы для окончанія переговоровъ съ несговорчивымъ и лживымъ народомъ Востока, онъ дѣлалъ ему какъ бы примѣрную войну: издали показывались конвойные казаки, и какая-нибудь незлобивая пушка, едва ли хоть разъ стрѣлявшая во всю жизнь, обращала однимъ видомъ своего безвреднаго жерла непреклонныхъ шариковъ въ самыхъ послушныхъ, и трактатъ подписывался. Затѣмъ, и казаки и пушка, съ такимъ успѣхомъ сыгравшая несвойственную ей грозную роль, возвращались опять къ ихъ мирнымъ занятіямъ... Въ хивинскую экспедицію Ковалевскому пришлось кинуть всѣ свои пожитки, и только тѣмъ задержать гнавшихся хищниковъ, которые дѣлили добычу, пока онъ успѣлъ запереться въ крѣпостцу, откуда и отражалъ дикарей съ необыкновенной стойкостью и находчивостью...

Для насъ преимущественно дороги эти индивидуальныя черты политическаго дѣятеля, потому что онѣ обрисовываютъ его какъ человѣка.

Удивительно ли, что вліяніе и популярность Ковалевского всегда превосходили его общественное положеніе? Между славянами, напримѣръ, они были такъ велики, что ревнивое австрійское правительство, послѣ 1854 года, закрыло ему навсегда въѣздъ въ имперію, и не одному носившему тоже имя пришлось испытать на границѣ его неудобства. Зато назначеніе Ковалевского директоромъ азіатскаго (онъ же и славянскій) департамента было встрѣчено какъ счастливое предзнаменованіе между славянами. Тогда, какъ и прежде, и даже послѣ, когда онъ почти уже частнымъ человѣкомъ, сенаторомъ, вдали отъ административныхъ сферъ, отдался любезнымъ ему занятіямъ литературою, — его скромный, но гостепріимный кабинетъ былъ тою точкою притяженія, которой не миновалъ ни одинъ заѣзжій славянинъ. Отъ князя Черногорскаго до послѣдняго пастуха всѣ перебивали въ немъ, отвели свою душу искреннею бесѣдою, получили разумный и благой совѣтъ, нашли поддержку, ободреніе, нерѣдко и денежную помощь, хотя самъ помогавшій, случалось, вынималъ для этого послѣднія деньги изъ бумажника. Любя и балуя, онъ часто и журилъ своихъ любимцевъ, высказывалъ имъ горькія истины, заставлялъ измѣнять рѣшенія, мириться и проч., и всѣ они видѣли въ этомъ его право, а въ своемъ повиновеніи ему — долгъ.

— Егоръ Петровичъ—отецъ намъ! говорили, уходя, иногда наиболѣе обруганные и пристыженные.

Но не одни славяне знали кабинетъ Ковалевскаго—эту своего рода иллюстрацію къ разнообразной жизни странствователя, всю составленную изъ прихотливыхъ произведеній далекихъ странъ. Изъ нихъ двое живыхъ: китайская собачка (скоро впрочемъ исчезающая), съ поразительнымъ типомъ Небесной Имперіи, и черный какъ сапогъ негръ, вывезенный изъ Нубіи и окрещенный въ Пекинѣ, привѣтствовали еще на порогѣ посѣтителя, — первая сиповатымъ лаемъ, а другой — ослабленными, снѣжной бѣлизны зубами... Если къ этому присоединить кши журналовъ, книгъ и рукописей, валявшихся всюду и неизбѣжныя конфеты, которыми хозяинъ, слоняясь лѣниво изъ угла въ уголъ, лакомился во всякое время дня и угощалъ другихъ, — то небольшая комната, постоянно наполненная самымъ разнообразнымъ обществомъ, представить довольно наглядно домашнюю обстановку человѣка насъ занимающаго. Въ извѣстные часы можно было навѣрное встрѣтить здѣсь, рядомъ съ первобытнымъ сыномъ Черной-Горы или жителемъ Бѣлграда, всю аристократію ума, а иногда и рожденія или общественнаго положенія. И все это какъ-то укладывалось вмѣстѣ, гармонировало въ этихъ гостепримныхъ стѣнахъ. Самые разнородные оттѣнки мнѣній, направленій и чувствъ могли встрѣчаться только здѣсь; представители самыхъ противоположныхъ литературныхъ лагерей—сходились только сюда. За то все, что можно было узнать и услышать свѣжаго и никому еще неизвѣстнаго по всѣмъ отраслямъ, — литературы, администраціи, политики и науки, — узнавалось и слышалось именно здѣсь. Не будучи пуристомъ въ дѣлѣ политическихъ убѣжденій, Ковалевскій отличался полнѣйшею терпимостью. Часто споръ, принимавшій жесткій оборотъ, искусно обрывался искреннимъ смѣхомъ, вызваннымъ оригинальною и всегда умѣстною шуткою хозяина. Самая неуступчивая и строгая молодежь крѣпко пожимала ту самую руку, которая протягивалась людямъ, считавшимъ чуть не сокрушителями основъ общества многихъ молодыхъ посѣтителей кабинета. Только люди нечестивые и казнокрады знали, каковы тѣ неумолимые сарказмы, которыми онъ обстрѣливалъ ихъ, какъ артиллерійскимъ огнемъ. Добрый и снисходительный вообще, онъ испытывалъ даже нѣкоторое наслажденіе въ томъ, что умѣлъ продлить муки этихъ людей и оказывался неистощимымъ въ изобрѣтеніи къ тому способовъ.

Разказавъ о дипломатической карьерѣ нашего автора, мы почти разказали и объ его карьерѣ литературной: одна вызвала

другую и обѣ онѣ взаимно дополнились. Путешествія и въ службѣ и литературѣ составили того цѣльнаго «Странствователя по сушѣ и морямъ», который по праву завладѣлъ принадлежащимъ ему и тамъ и здѣсь мѣстомъ. Послѣ Черногоріи, Хивы, Бухара, Ташкентъ и проч., вызвали рядъ самобытныхъ и яркихъ очерковъ, въ формѣ до того времени небывалой, въ изложеніи легкомъ и живописномъ, трепетавшихъ образностью, юморомъ и мѣткой наблюдательностью.

— Надо написать то, что я видѣлъ такъ, какъ обыкновенно у насъ не пишутъ, — говорилъ Ковалевскій близкимъ. Мнѣ кажется, тогда только и выйдетъ интересно.

И точно, оно вышло хорошо. Первая, небольшая книжка рассказовъ, изданная самимъ авторомъ подъ общимъ названіемъ, выписаннымъ выше, разошлась такъ быстро, что право второго изданія было уже куплено книгопродавцемъ по истеченіи какого-нибудь мѣсяца. Критика всѣхъ журналовъ и газетъ единодушно признала замѣчательный талантъ писателя-странствователя. Даже газета Булгарина, не всегда воздававшая должное авторамъ, не воздававшимъ должнаго редактору, превознесла книгу, чѣмъ и остановила-было на время ея продажу. Эта характерная черта должна быть сохранена для будущаго историка русской литературы.

— Помилуйте! что вы надѣлали! говорилъ прибѣжавшій къ автору издатель. Зачѣмъ вы не просили Ѳаддея Венедиктовича лучше обругать?

Но такъ какъ авторъ не просилъ также и хвалить, за непростенную же похвалу не воздалъ должнаго, то скоро появилась и брань, начинавшаяся оговоркою, что мы-де поддались первому впечатлѣнію и сожалѣемъ о томъ... Этой поправки было достаточно, чтобъ снять опалу публики съ книги и направить продажу лучше прежняго.

Успѣхъ подстрекнулъ писателя, и за первымъ выпускомъ послѣдовали другіе, съ неменьшею удачею. Хотя съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ и появилось нѣсколько прекрасныхъ путешествій въ русской литературѣ, но «Странствователь по сушѣ и морямъ» сохранилъ все-таки свою цѣну, уже потому, что страны имъ изображенныя не изъ тѣхъ, которыя посѣщаются легко и охотно, а если и посѣщаются, то не всегда такими даровитыми и умными литераторами. Египетъ съ Нубіей и Китай доставили еще нѣсколько интересныхъ томовъ того же автора, уже хозяйничавшаго въ литературѣ путешествій.

Болѣе сложная и заботливая дѣятельность служебная приковала потѣмъ многолѣтняго путешественника къ столу директора

департамента, и остановила — было надолго продолженіе литературной его карьеры. Романы, повѣсти и рассказы, писанные имъ большею частью подъ разными псевдонимами (Ниль Безымянный, Егоревъ и др.), въ разные промежутки безденежья, вызваннаго пораженіями за ломбернымъ столомъ, не могутъ идти въ счетъ и не вошли въ настоящее собраніе сочиненій. Самъ сочинитель видѣлъ въ нихъ не болѣе, какъ литературные грѣхи. Проказы же современной цензуры дѣлали ихъ еще грѣховнѣе. Такъ, въ одной повѣсти «Виртуозы», посвященной описанію извѣстнаго въ то время зловреднаго кружка игроковъ, цензоръ, руководимый охранительными началами ко всему, даже къ игорнымъ домамъ, счелъ за лучшее перенести мѣсто дѣйствія «на воды въ Германію», и оставилъ свѣтлыя петербургскія ночи, ялики на Невѣ, ночныхъ ванекъ-извозчиковъ, нанимаемыхъ въ Коломну, табакъ Жуковъ и т. п.

Въ послѣдніе годы своей жизни, опытный и извѣстный уже на прежнемъ поприщѣ писатель попробовалъ свои силы на новомъ, и въ книгѣ «Блудовъ и его время» явился искуснымъ редавателемъ портретовъ историческихъ личностей и эпохъ....

Да, въ эти послѣдніе, тихіе годы жизни, протекшей такъ тревожно и богато въ опасностяхъ дальнихъ странствованій, въ столкновеніяхъ общественной и служебной дѣятельности; послѣ долго неумолкавшихъ порывовъ къ новымъ трудамъ, новымъ ощущеніямъ и новымъ тревогамъ, — неутомимый странствователь и пылкій дѣятель мало-по-малу уложился въ почти безвыходнаго работника у письменнаго стола. Во всякое время дня можно было застать его съ перомъ въ рукѣ, или надъ документами и книгами публичной библіотеки, и редакторы лучшихъ нашихъ журналовъ не безъ удовольствія видѣли мелкую и частую его скоропись, которою покрывались листы за листами. Если что отрывало еще Ковалевскаго отъ такихъ занятій, такъ это дѣла по комитету Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, котораго онъ былъ однимъ изъ главныхъ осуществителей и почти пожизненнымъ предѣдателемъ. Говоримъ *почти*, потому что уставъ временно устраняетъ выбывающаго члена, впредь до новой очереди, причемъ Ковалевскій былъ всегда избираемъ вновь единогласно. Тутъ сосредоточилась вся послѣдняя энергія и вся любовь, вносимая имъ всюду, гдѣ только онъ являлся дѣйствующимъ лицомъ. Общество и его комитетъ, пенсіонеры общества и вспомошествоваемая учащая молодежь стали семьею стараго холостяка. Устройство чтеній и лекцій, концертовъ и представленій въ пользу Общества занимали и поглощали его какъ юношу, почти какъ ребенка: онъ оживлялся, суетился,

ѣздилъ, писалъ во всѣ инстанціи, державшія въ своихъ рукахъ дозволенія и запрещенія этихъ невинныхъ собраній; не чувствовалъ усталости, весело шумѣлъ и молодѣлъ душою. Успѣхъ радовалъ его, какъ побѣда, равнодушіе публики выводило изъ себя, а рѣдкія нападки журналистики на дѣйствія комитета просто дѣлали его несчастнымъ. Онъ о нихъ говорилъ съ огорченіемъ, почти со злобой; видѣлъ страшную несправедливость къ людямъ, дающимъ свое время, свои труды и часто свои деньги дѣлу, за которое ихъ же еще и ругаютъ! Дни засѣданій комитета, всегда собиравшагося у него, были для него отрадными днями, и какъ эти засѣданія мало походили на что-либо формальное, чинно устроенное, и какъ въ то же время они велись умно, послѣдовательно и осмотрительно при помощи радушнаго предсѣдателя, не забывавшаго своихъ конфетъ и слонянья изъ угла въ уголь! Всегдашнее расположеніе Ковалевскаго помочь и дать денегъ нашло себѣ полное примѣненіе въ его новой роли. Не ожидая рѣшенія комитета, по просьбѣ нуждающагося, иногда даже не внося въ комитетъ этой просьбы, онъ спѣшилъ выдать изъ своего бумажника, всякій разъ, когда послѣдній позволялъ это. А бывали случаи, что онъ и не позволялъ. Владелецъ его былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ высшихъ русскихъ чиновниковъ, которые, дослужась «до степеней извѣстныхъ», остаются съ окладами такимъ степенямъ неизвѣстными и едва дозволяющими существовать безбѣдно. А тутъ еще — всякое отсутствіе сильныхъ ощущеній и неугасшая вполнѣ потребность въ нихъ, заставляли искать опасностей и тревогъ на единственномъ доступномъ поприщѣ въ четырехъ стѣнахъ — на поприщѣ картъ. За то, когда случалось этому истертому, большому бумажнику, который вѣчно валялся на столѣ, не скрывая ни отъ кого своихъ удачъ и поражений, — когда ему удавалось полнѣть, онъ былъ къ общимъ услугамъ. Счастливъ былъ проситель, попадавшій въ такое время; хорошо было и близкой молодежи, — а она постоянно окружала молодого до старости Ковалевскаго.

— Берите, господа, покуда есть, говорилъ онъ съ веселою искренностью: послѣ и захотите — не будетъ.

Затѣмъ импровизировался какой-нибудь необыкновенный завтракъ, пикникъ; логи и подарки роднымъ, племянникамъ, игрушки внукамъ, — словомъ, «покуда было», нельзя было успокоиться. Говорятъ, тоже самое проявлялось и въ игрѣ: покуда еще было, онъ не останавливался....

Умеръ Ковалевскій, 21 сентября 1868 года, почти внезапно — отъ перваго удара, не оставивъ по себѣ, какъ и слѣ-

довало ожидать, ничего, кромѣ чистаго, честнаго имени, многимъ извѣстнаго и дорогаго тѣмъ, кто имѣлъ случай узнать ближе человѣка, его носившаго; ничего, кромѣ такихъ услугъ отечеству на разныхъ поприщахъ, какія не всякій гражданинъ можетъ предъявить на судъ общества, да кромѣ замѣтной пустоты тамъ, гдѣ не стало этого благороднаго дѣятеля, умѣвшаго все наполнять собою, и кромѣ литературныхъ трудовъ, полныхъ таланта и наблюдательности...

П. М.

Литературные труды Е. П. Ковалевскаго нашли себѣ издателя въ извѣстномъ книгопродавцѣ И. И. Глазуновѣ, внесшемъ деньги за право изданія въ Комитетъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ на пополненіе капитала, собираемаго по подпискѣ для стипендіи въ память покойнаго, бывшаго долгое время председателемъ Общества. Первый томъ, заключающій въ себѣ біографію графа Влудова и Восточныя дѣла въ 20-хъ годахъ, уже вышелъ въ свѣтъ. Современные событія дѣлаютъ особенно интересными послѣднее изслѣдованіе, которое составляетъ главу изъ неоконченнаго, къ сожалѣнію, труда Е. П. Ковалевскаго. Остальные два тома, къ которымъ будетъ приложенъ портретъ автора, должны выйти въ самомъ непродолжительномъ времени.

Ред.

